
ОТ БИНТОВАНИЯ СТОП К ТУФЛЯМ НА КАБЛУКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЖИТЕЛЬНИЦ ШАНХАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Ю.А. Куприянова

Кафедра восточной филологии
Отделение востоковедения
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Покровский б-р, 8, Москва, Россия, 109028

В статье рассмотрены изменения во внешнем облике женщин Шанхая в период 1911–1949 гг., связанные с распространением новых социальных концепций в обществе и популяризацией городской культуры. Анализируется процесс отказа китайского общества от традиционного обычая бинтования стоп девочек в раннем возрасте. Автор последовательно раскрывает основные этапы трансформации элементов одежды женщин Китайской Республики: от миниатюрных расшитых ботинок до первых туфель на каблук в гардеробе «новых женщин». Параллельно с рассмотрением атрибутов моды показаны основные социальные процессы, оказывавшие воздействие на стиль горожанок.

Ключевые слова: Шанхай, Китайская Республика, бинтование стоп, китайское общество, культурное взаимодействие, городская культура, городская мода.

«То было время крайностей. Все недостатки политической системы и семейного уклада внезапно были вскрыты. Молодые интеллектуалы с неприязнью смотрели на все традиционное, даже на все китайское. А старорежимные люди от страха перед ними все больше усиливали прессинг. Не было ни дня без жарких дебатов, в семьях, на страницах газет, в развлекательных заведениях» (1), – так охарактеризовала писательница Чжан Айлин период в истории Шанхая после Синьхайской революции.

Именно тот момент стал ключевым в вопросе изменения облика китайских женщин. Шанхайская среда стала центром формирования новых идей и воззрений. Подобно тому, как наиболее прогрессивные толки об «освобождении женщин» (*фуньюй цзефан*) Китая велись на страницах именно шанхайских изданий, наиболее смелые изменения в образе новых девушек также впервые происходили в этом городе.

В стремлении отринуть традиционные воззрения и предписания шанхайская молодежь с первых же лет становления Республики развернула активную работу по формированию облика «новой женщины» (*синь нюйсин*) (2) Китая, свободной не только внутренне, но и внешне.

Для горожанок первая четверть XX в. ознаменовалось коренными трансформациями во внешнем облике: обрезанием волос, полным прекращением практики бинтования ног (*чань цзу*) (3), облачением в мужской костюм или же в модифицированный маньчжурский халат *ципао* (4). Следующее за этим десятилетие привнесло множество новых западных элементов в облик девушек, которые сделали внешность «новой женщины» Китая исключительной и запоминающейся.

Первые попытки ввести запрет на бинтование ног китайнок были сделаны еще в начале XX в., на закате правления цинской династии. Однако они не привели к ощутимым изменениям. Так же как и не получила распространения практика представителей движения тайпинов (5), которые еще в середине XIX в. в концепции нового государственного устройства также указывали на необходимость отмены этого жестокого обычая (6). Необходимы были более радикальные действия, чтобы положить конец существованию многовековой традиции, предписывавшей девушкам из средних и состоятельных семей путем болезненных процедур добиваться прекращения роста стопы.

Многие исследователи связывают повсеместное распространение этого обычая с конфуцианским положением о том, что место женщины – внутренние покои дома. Порядочной женщине не было нужды покидать его стены. При таком подходе ограниченная подвижность китайки, вследствие атрофированности конечностей, не являлась проблемой, а наоборот, выглядела вполне естественной. Занятия женщин в состоятельных семьях не отличались большим разнообразием, им не приходилось выполнять тяжелую работу. Передвигаясь с опорой на стену, они могли обеспечить себе достаточную свободу действий внутри дома. Болезненные ощущения со временем становились привычными.

Швейгер-Лерхенфельд, наблюдая за китайками в конце XIX столетия, заметил, что женщины сумели приспособиться и к передвижению на достаточно большие расстояния: «Особенно удивительно, что китайки, несмотря на изувеченные ноги, довольно легко движутся, хотя, конечно, без всякой грации, и непринужденно могут предаваться своей любимой игре в мяч» (7).

В традиционном китайском обществе деформация женских конечностей не воспринималась как ущемление прав и свобод слабого пола. Наоборот, забинтованные ножки, обутые в расшитые башмаки, стали символом подлинной красоты и привлекательности. Китайские ученые мужи создали множество литературных и художественных произведений, посвященных эротичности и соблазнительности маленькой женской ножки. В своих рассказах они в первую очередь говорили об эстетическом удовольствии, которое могла доставить забинтованная ножка жены своему законному супругу. Женская беспомощность и хрупкость вызывала у мужчины желание защитить свою избранницу. По мнению ученых мужей, подобный эффект был вы-

годен в первую очередь самим женщинам, так как сулил им заботу и обожаение со стороны супруга.

Бинтование ног в раннем детстве, помимо болезненных ощущений на всю оставшуюся жизнь, приводило к целому ряду тяжелых последствий в будущем: нарушался обмен веществ и кровообращение, искривлялся позвоночник, под плотными бинтами развивалась патогенная среда, что вело к различным кожным заболеваниям и появлению отвратительного запаха.

Но, несмотря на все трудности, с которыми сталкивались китайские женщины, они добровольно соглашались бинтовать ноги собственным дочерям. Л.И. Исаева в книге «Красавицы древнего Китая» дает следующее объяснение распространенности данного обычая: «Тщательное бинтование ног в детстве было, возможно, единственным шансом улучшить социальное положение в будущем путем удачного бракосочетания. Причем мужчина имел право расторгнуть брак, если обнаруживал, что ступни у невесты недостаточно маленькие... бинтованные ножки свидетельствовали о том, что женщина принадлежит не к самым бедным слоям населения и не является прислугой» (8).

Автор книги также указывает на то, что в XVII в. некий литератор Лю Сянь написал целое произведение, в котором теоретически обосновал, почему женщинам непременно следовало бинтовать ноги. Из его высказываний мы можем сделать вывод, что маленькие девочки, которых с детства готовили к удачному замужеству, сами добровольно соглашались на эту бесчеловечную пытку ради того, чтобы в будущем иметь шанс улучшить свое социальное положение: «Если же ноги будут недостаточно маленькими, об этих девушках будут говорить, что их матери недостаточно тщательно занимались воспитанием своих дочерей... Ни один мужчина из приличной семьи не женится на женщине с длинными ступнями... Девушка с большими ногами вынуждена заниматься грубой работой, и если ей надо покинуть дом по делам, ее не понесут в паланкине, ей придется идти по улице самой; у нее не будет одежды красного цвета, и она не сможет лакомиться лучшими блюдами. Девушка подобна золоту, драгоценностям, которые должны оставаться в собственном доме. Если же ноги у них большие, девушки свободно ходят тут и там с неподходящими компаньонами» (9).

Часть исследователей также приводят свидетельства того, что в правление династии Цин маленькими ступнями порой обладали и женщины из небогатых семей (10). О распространении в Китае в XVII в. обычая бинтования стоп среди даже самых бедных слоев населения говорит Дороти Ко: «Один цинский исследователь заметил, что в регионе Ян-чжоу бинтование женских ножек более распространено, нежели в других частях страны. Даже *кули* (11), прислуга, швеи, бедняки и старухи могут похвастаться крохотными ножками с забинтованным большим пальцем» (12).

Современный исследователь традиционной жизни китайцев Лю Далинь, рассматривая в своей работе особенности сексуальной культуры, весьма резко критикует обычай бинтования. Он пишет о том, что популяризация его

при династии Цин была вовсе не следствием любви мужчин к маленькой стопе или желанием женщины приукрасить себя, а лишь отражала ухудшающееся положение женщины в обществе: «Бинтование ног стало особенно популярным в феодальном Китае при последней правившей династии, что явилось демонстрацией невиданного угнетения женщин и восприятия их как некой забавы для мужчин» (13).

Не вдаваясь в полемику с китайским историком, стоит лишь отметить, что в целом по Китаю в правление маньчжуров бинтование ног действительно стало повсеместным явлением, затронувшим более широкие слои населения, нежели в прежние века. Часть исследователей связывают это не с ухудшающимся положением женщины, а с желанием ханьцев любыми доступными средствами не уподобляться носителям чуждой культуры маньчжурам, которые запрещали своим женщинам бинтовать стопы.

В правление цинской династии наличие у женщин маленькой стопы помимо вышеобозначенных особенностей приобрело дополнительное значение. В условиях, когда трон находился в руках пришлых маньчжурских правителей, бинтование ног ханьских женщин стало символом отличия «просвещенных» китайцев от маньчжурских «варваров» (14).

Маньчжуры отнеслись враждебно к традиционному ханьскому обычаю. Во время правления императора Шунь-чжи этот ритуал был строжайше запрещен. В первый год правления императора Канси повторно был издан указ, запретивший бинтование ног. Однако укоренившийся обычай китайцев невозможно было исправить указами сверху. Спустя несколько лет (1668 г.) закон о запрете был отменен (15). Китайские женщины продолжили бинтовать ноги своим дочерям, в то время как маньчжуркам полагалось сохранять естественную форму стопы.

Вообще в правление цинской династии достаточно строго соблюдался принцип разделения нарядов маньчжурского и ханьского населения: «В “Цинском сборнике церемониалов” (*Дацин хуэйдянь*) четко регламентировался комплект одежды и украшений, которые должны были носить особы знатной фамилии, близкие родственницы и прочие члены семьи императора» (16).

Строгую контрольную подвергались не только наряды для церемоний наград, официальных мероприятий, но просто повседневная одежда. Положения касались не только составных элементов костюма, но и цвета, качества материала, узоров на нем: «Система кроя, пропорции и манера ношения одежды, характер отделки, выбор материала, цвет, украшения, прическа, обувь придавали каждой этнической, родовой, территориальной группе индивидуальное своеобразие и неповторимость, выделяя ее среди других. Одежда выступала этническим маркером, указывала на этническую, родовую, племенную, половую, возрастную принадлежность, положение индивида в обществе» (17).

Маньчжурские правители исходили из принципа, что «мужчина следует нормам, женщина не следует» (*нань цун нюй бу цун*) (18). Для сохранения

своего господства маньчжуры стремились оградить себя от ассимиляции ханьцами, что не раз уже происходило с захватчиками в пределах границ Поднебесной.

Были изданы целые серии указов, неисполнение которых каралось по всей строгости. В первую очередь, были запрещены смешанные браки между китайцами и маньчжурами. Ряд постановлений коснулся обрядовой стороны, а также внешнего вида подданных цинского императора: «Было решено, что китайские мужчины должны принять маньчжурское платье, брить голову и носить косы; нововведения не коснулись одежды и обычаев китайских женщин. С другой стороны, маньчжурским женщинам запрещалось носить китайские одежды или прибегать к практике бинтования ног. Глубоко опечаленные, что им отказано в этом признаке красоты, маньчжурские женщины нашли решение проблемы и стали носить деревянные туфли, нижняя часть которых по форме напоминала “золотые лотосы” китайских красоток» (19).

Маньчжурки должны были разделять волосы ровным пробором, носить просторный ципао, на ноги одевать обувь на сплошной деревянной платформе, в то время как ханькам предписывалось зачесывать волосы назад в сложные прически, носить просторную рубаху и жилетку, и длинную до пят юбку, на ноги надевались специальные *гунсе* (20), тканевые вышитые ботиночки, использовавшиеся девушками, бинтовавшими ноги (21).

Традиция бинтования стоп китайок сохранялась еще в течение нескольких столетий, вплоть до конца XIX в., когда в обществе были предприняты первые попытки запретить этот жестокий обычай.

Активное участие в кампании по отмене бинтования ног принимали как китайские, так и западные реформаторы. Исследовательница данного вопроса Лесли Вэкслер указывает на то, что западные миссионеры не допускали девочек с бинтованными ногами на учебу в западные школы, тем самым пытаясь убедить родителей отказаться от этого предрассудка. Они вели просветительские беседы в среде китайских жителей, способствуя формированию первых китайских организаций по борьбе с бинтованием ног (22).

Работе этих организаций также оказывали содействие и женщины Запада – представительницы международных благотворительных организаций (23). Небольшие общины создавались по всей стране. Их участники отказывались бинтовать ноги своим дочерям, а также запрещали сыновьям жениться на девушках с миниатюрными ногами.

Писательница Аделин Ма вспоминает, что ее бабушка, родившаяся еще в конце XIX в., благодаря своим прогрессивно мыслящим родителям сумела избежать этой жестокой процедуры. В молодости она заметно выделялась на фоне сверстниц с бинтованными ногами, однако учеба в западной школе оградила ее от осуждения окружающих (24).

Но не все образованные люди того времени решались порвать с этой традицией. Например, одна из самых первых актрис шанхайского кинемато-

графы Ван Ханьлунь родилась в богатой китайской семье в 1903 г. Ее родители, даже несмотря на наличие влияния и напрасность опасений о будущем замужестве, все же пожелали иметь дочь с маленькими ногами. Ван Ханьлунь вошла в историю китайского кинематографа как единственная актриса с миниатюрными ногами (25).

Более активная работа по борьбе за «естественные ноги» началась после Синьхайской революции в 1911 г. Временное правительство в марте 1912 г. издало указ «О запрете бинтования ног во всех провинциях страны» (26). Данный указ должен был положить конец существованию жестокого обычая. Однако последующие издания аналогичных указов различными локальными властями Китая в 1926, 1927 и даже в 1939 г. говорят лишь о том, что в отдельных районах страны этот пережиток феодального общества был распространен еще очень долгое время (27).

Если говорить о среде городского населения, то к концу 20-х гг. на улицах действительно было трудно встретить молодую девушку, обутую в *гунсе*. Жительницы Шанхая, наиболее прогрессивного в те годы мегаполиса Китая и всей Азии, смогли отказаться от бинтования ног своим дочерям раньше, чем женщины в других частях страны. Во многом это было связано с влиянием западных миссионеров, общественных движений и западной моды.

Жестокий обычай китайского народа вызывал негодование в среде иностранцев, живших и работавших в Шанхае. Часть из них просто с удивлением и непониманием описывала «маленькие треугольники», торчавшие из-под одеяний китайок, неуклюже переваливавшихся по улицам города.

В отличие от них у служителей католических храмов, сотрудников христианских миссий, западных лицеев, вечерних и дневных школ для девочек, состоявших при благотворительных организациях, находились более весомые аргументы в борьбе за отмену бинтования. Западные организации не принимали девочек и девушек с бинтованными ногами в свои ряды, тем самым в первые два десятилетия XX в. они способствовали появлению первых учениц с естественной формой стопы, так называемыми «свободными ногами» (*фанцзу*).

Родители девочек, желавшие дать своим детям западное образование, которое считалось лучшим в тот период, должны были отказаться от предрассудков и позволить дочерям самостоятельно определять свою судьбу. Количество девушек, обутых в традиционные *гунсе*, стало заметно сокращаться сразу после Синьхайской революции, чему способствовали действия нового правительства. Молодым девушкам, чьи стопы уже частично были деформированы на момент издания новых указов, было предписано прекратить бинтование. Однако они навсегда лишились возможности следовать модным тенденциям шанхайского общества будущих десятилетий: носить туфли на каблучке и приобщиться к моде на бальные танцы.

В результате работы активистов движения против бинтования ног в первые десятилетия существования Китайской Республики многие девушки на-

чали носить обычную обувь, которая получила названия *фансе* («свободная обувь») (28). Как правило, это были кожаные ботинки черного цвета, в которые переобулись прогрессивно настроенные первые студентки Поднебесной. Новая республиканская женская обувь больше напоминала западные мужские ботинки.

Подобный элемент гардероба как нельзя лучше подходил под скромные монохромные одеяния, которые предпочитали носить активистки движения 4 мая (29). Естественность, практичность и подражание мужчинам – вот те тенденции, что определяли внешний вид «новых женщин» Китая в первое десятилетие после Синьхайской революции.

В значительной степени новый образ сложился под влиянием западной культуры и моды. Простота и лаконичность были характерной чертой внешнего вида женщин в странах Европы в тот период, что явилось следствием событий Первой мировой войны. Последующее двадцатилетие мирной жизни внесло свои коррективы в западную моду, что естественным образом отразилось и на стиле одежды жителей Шанхая, а вслед за ним и других городов Китая.

Признание в новом обществе естественной формы стопы выразилось в появлении расшитых тканевых ботинок *бусе* (30), украшавших ноги городских модниц в 10-е гг. XX в. Одним из символов освобождения женщин Китая от многовекового угнетения можно считать обувной магазин «Сяохуаюань», открывшийся сразу после Синьхайской революции в Шанхае. Этот магазин занимался пошивом и продажей обуви для первых женщин с естественной формой ноги. Магазин постоянно расширял свой бизнес вплоть до начала 20-х гг. (31), когда в городе стали популярны первые модели туфель на каблук.

Постепенно шанхайские девушки отказались от *бусе*, хотя подавляющая масса женщин со средним и низким достатком сохранила верность этому фасону обуви на долгие десятилетия.

С середины 20-х гг. и вплоть до начала крупномасштабного антияпонского сопротивления в 1937 г. в Шанхае происходит расцвет буржуазной культуры. Женщины забывают о тканевых туфлях *бусе*, коротких прямых волосах и бесформенных длинных халатах *цитао*, доставшихся в наследство от маньчжурских кочевников.

Исследовательница культуры Шанхая Дай Юньюнь, анализируя поворот в сознании горожан в тот период, приходит к выводу о том, что общая направленность происходивших изменений во внешнем виде женщины отразила появление нового мышления, в центре которого стояла женщина и, что особенно важно и ново, красота ее тела (32). Это уже была не «новая женщина» Китая, а «современная женщина» (*модэн ньюсин*) (33) Шанхая.

Появление с конца 20-х гг. новых элементов в женском гардеробе, распространение моды на укладку волос, полный отказ от бинтования ног спо-

собствовали пробуждению женственности, появлению интереса к женской индивидуальности и сексуальности.

Для традиционного китайского общества столь скорое принятие новых стандартов красоты при иных обстоятельствах было бы невозможным, но Шанхай в данном случае был исключением. Нестабильное политическое положение во всей стране, определенная изолированность города от сельской среды дополнялись присутствием огромной иностранной диаспоры и значительными импульсами к развитию со стороны западного бизнеса. Чжан Айлин объясняла неповторимость шанхайской моды внутренней пустотой горожан, их бессилием перед психологическими конфликтами: «Непрестанные изменения в следовании моде вовсе не обязательно говорят о живости духа и оригинальности мышления. Все как раз наоборот. Это может говорить о застое; когда в прочих сферах жизни упадок, весь творческий потенциал расходуется на внешний облик» (34).

Новый стиль жизни «современной женщины» требовал соответствия определенным стандартам: наличия образованности, экономической самостоятельности, активной жизненной позиции. Помимо этого устанавливались и критерии внешнего вида. Горожанки подражали тем моделям и образцам, которые диктовала складывавшаяся новая культура мегаполиса. Ван Цяо – героиня известного романа Ван Анъи «Песня вечной скорби», посвященного атмосфере Шанхая 1930–1960-х гг., была как раз таким «продуктом» массовой культуры: «Для нее следование моде – это четко прописанный сценарий, где она не придумывает ничего своего, но и не хватается за старое, она полностью полагается на то, что ей предлагают. Шанхайская модная лихорадка возникла именно благодаря существованию целой армии таких Ван Цяо. Но они не способны двигать моду вперед. Они не обладают творческим началом и не имеют собственной индивидуальности» (35).

Значительное влияние на формирование облика шанхайской женщины 30–40-х гг. оказывала массовая кино- и печатная продукция. Западный кинематограф становится крайне популярным в городской среде. Модные девушки стремятся во всем подражать образу любимых иностранных актрис.

В 30-е гг. в многочисленных кинозалах Шанхая демонстрировалось до 400 западных картин в год (36). Стиль одежды и образы Кэрол Ломбард (37), Джин Харлоу (38), Барбары Стэнвик (39), Клодетт Колбер (40), Джоан Кроуфорд (41) и других голливудских актрис стали объектами массового подражания (42). К середине 30-х гг. уже шанхайские киностудии начинают снимать фильмы, демонстрировавшие на весь Китай новую городскую культуру.

Золотая эра шанхайского кино подарила модной культуре мегаполиса десятки имен отечественных актрис, которые были знакомы каждой горожанке. Образы, созданные этими актрисами на экранах, соответствовали мировым модным трендам, что позволило им встать на одну ступень с прославленными голливудскими актрисами. Новые стандарты женской красоты и привлекательности задавали и городские печатные издания, которые помимо

информационных статей включали в себя многочисленные яркие фотографии, рекламные объявления, красочные карикатуры.

Женские издания еще с середины 20-х гг. начали знакомить читательниц с жизнью успешных и известных женщин, тем самым способствуя появлению устойчивых представлений об облике новой «современной женщины». Газеты и журналы играли важную роль в развитии сферы обслуживания, направленной исключительно на женскую аудиторию. Во многом именно печатная продукция и киноиндустрия заставили модные тенденции 10-х – начала 20-х гг. впоследствии перейти из разряда самостийных, свободно развивавшихся в четко спланированный регулируемый поток информации, организующий моду в нужном для предпринимателей русле.

Любовь к западной культуре и моде вылилась в появлении в Шанхае первых туфель на высоком каблуке. Обладательницами подобной обуви в 1920-е гг. были лишь жены иностранцев, проживавших в городе, и немногочисленные состоятельные китайки, которым посчастливилось родиться в прогрессивной семье и избежать бинтования ног.

Девушки из средних слоев населения поначалу не могли позволить себе подобную импортную новинку. Ситуация сильно изменилась к концу 20-х гг. Девушки, одетые в западные платья, в туфлях на высоком каблуке, с завитыми волосами стали неотъемлемым атрибутом шанхайских улиц. «Современные женщины» взирали на прохожих с рекламных плакатов, киноафиш, с обложек женских журналов. К началу 30-х гг. туфли на каблуке были представлены во всех обувных магазинах в центральной части города. Огромная популярность такой обуви и большой выбор моделей сделали этот западный тренд неизменным атрибутом моды мегаполиса.

Очень важно отметить, что любовь китайок к высокому каблуку не была простой данью моде. Обновленный вариант традиционного халата – платье *ципао*, ставшее по-новому популярным в 30-х гг. в Шанхае, часто шилось в пол, что позволяло скрыть обувь. Наличие каблука зрительно уменьшало размер ноги, при этом удлиняло фигуру. Девушка в подобной обуви издали казалась обутой в прежние миниатюрные *гунсе*, при этом выглядела более изящно.

Иностранцы Шанхая в своих воспоминаниях часто говорили о местном населении с неприязнью и иронией (43). Однако это редко относилось к женской части жителей, особенно когда речь шла о модных девушках: «Китайки весьма милы и диковины своим внешним видом. Длинные узкие халаты четко скроены по их стройным фигурам, их облик великолепен своей восхитительной сложностью, особенно в сочетании с непременно маленькими ножками в невероятно маленьких туфлях» (44). Не трудно понять, что подобный образ делал жительниц Шанхая 30-х гг. отчасти схожими с китайскими красавицами прежних столетий. Сменив *гунсе* на западные туфли, шанхайские девушки, с одной стороны, более не подвергали себя мучениям

и обладали свободой передвижения, а с другой стороны, выглядели привлекательно для мужчин и внешне казались беззащитными и хрупкими.

Непременная любовь к высокому каблуку стала особенностью шанхайского стиля. Актрисы кино, девушки на рекламных плакатах и традиционных настенных календарях, продавщицы в магазинах, сотрудницы иностранных фирм носили различные фасоны туфель, но все они обязательно были на высоком каблуке. Даже героиня фильма «Перекрестки» (45) Ян Чжиинь, работающая на фабрике ткани в Шанхае, носила исключительно такую обувь. Правда, она не являлась представительницей рабочего класса, а следила за качеством исполнения работы другими девушками и по своему социальному положению стояла выше окружающих ее женщин. Позволить себе носить туфли на каблуке могли лишь те женщины, которым не приходилось заниматься многочасовой стоячей работой на заводах и фабриках.

В одном из выпусков популярнейшего в те годы женского журнала «*Линлун*» (46) была опубликована статья под названием «Длинное ципао и туфли на высоком каблуке» (47), посвященная двум основным атрибутам шанхайских красавиц. Автор статьи в возвышенных эпитетах рассуждал об изящности и красоте шанхайского стиля: «Одна знакомая, приехав из Европы, рассказала, что, будучи на каблуках и в *ципао*, она сумела затмить самые изящные наряды французской моды. На званом вечере французы восторженно обсуждали ее наряд: ступая по паркету зала на высоких каблуках и в элегантном платье, она была столь изящна, подобно летящей бабочке» (48).

Однако далее автор замечает, что подобный стиль в одежде являлся атрибутом лишь определенного слоя горожанок: образованных девушек, занимавшихся офисной работой или учившихся в университете, а также женщин, работавших в индустрии развлечений (49). Лу Синь в одном из своих рассказов описывал любительниц высоких каблуков как юных авантюристок, стремящихся к красивой жизни: «В ночном свете уличных фонарей модная барышня смело отбивает каблучками “тук-тук” по дороге, а на кончике носа у самой проступили блестящие капельки пота, что показывает ее полную неопытность в этих делах. И пусть даже доведется ей искупаться в сиянии блеска, все равно не избежать ей забвения и упадка» (50).

Любовь жительниц города к изящной обуви на каблуке оказалась тесно связанной с другим интересным явлением в жизни шанхайцев: огромной популярностью западных танцев, например фокстрота, танго и чарльстона (51).

Запрет на бинтование ног позволил подрастающему поколению юных китаянок 20-х гг. перестать с завистью взирать на танцующих в шанхайских дансингах (52) европейек. К середине второго десятилетия Республики в Шанхае появилось поколение молодых девушек, физически способных танцевать (53). Они не только получили возможность плавно, без усилий передвигаться по паркету, но и смогли обучиться искусству танца на достаточно высоком уровне. Как правило, эти девушки являлись студентками китайских частных женских школ или учебных заведений при католической миссии в Шанхае (54).

В 30-е гг. в стенах таких учебных заведений стали активно преподавать бальные танцы. Также было открыто большое количество частных школ, кружков, центров культурного досуга, где учили игре на западных музыкальных инструментах и преподавали парные танцы. Но не все девушки с разрешения семьи действительно могли позволить себе пойти в один из клубов, где проводились танцы, и выйти с партнером на паркет. Отношение к парным танцам в китайском обществе не было однозначным на протяжении всего существования Китайской Республики (55).

Уникальный шанхайский стиль во внешнем виде женщин стал результатом взаимодействия огромного числа факторов. Последующие события в истории Шанхая привели к определенному застою, как в общественной жизни, так и в модных тенденциях. Образ шанхайской красавицы конца 30-х гг. застыл на беспокойное десятилетие антияпонского сопротивления и гражданской войны.

Вплоть до конца 1941 г. иностранные концессии продолжали оставаться территорией спокойствия и западного благополучия в море японской оккупации. Женщины «Одинокого острова» (*гудао*) (56), как называли Шанхай в тот период, были вынуждены вести более скромный образ жизни. Многочисленные иностранцы спешно покинули город. Яркая столичная жизнь замерла вплоть до окончания Второй мировой войны, когда она вновь получила небольшой импульс к возрождению. Однако дальнейший приход к власти Коммунистической партии Китая и отток последних иностранцев из Шанхая положили конец процветанию Восточного Парижа. Многие яркие представительницы шанхайской культуры, включая художниц, актрис, писательниц, бежали сначала в Гонконг, а оттуда уже на Запад. Неповторимый стиль жизни и внешний облик шанхайских девушек, просуществовавший в городе всего порядка двух десятков лет, остался неотъемлемым элементом истории старого Шанхая, но ему было не суждено войти в историю Китая второй половины XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Чжан Айлин. Гэн и цзи (Заметки об изменениях в одежде) // <http://book.kanunu.org/book3/7108/155481.html>
- (2) Новая женщина – образ китайской женщины начала XX в., с присущими ему особым стилем жизни и образом мышления, не характерными для традиционного общества. Данный образ возник в работах общественных деятелей и на страницах китайской прессы еще в начале XX в., в контексте борьбы за освобождение женщины. Особенно активно тема становления новой женщины стала обсуждаться с началом движений за новую культуру и 4 мая, со второй половины 1910-х гг. В этом же значении в китайской историографии встречается сочетание синь фунюй.
- (3) Бинтование ног – многовековой обычай, распространенный в определенной среде китайского населения, предполагавший тугое перевязывание стоп девочек в раннем возрасте, что вело к прекращению роста костей и деформации ноги. Женщи-

- ны были вынуждены бинтовать ноги всю оставшуюся жизнь, так как незафиксированная бинтом стопа лишала их возможности передвигаться.
- (4) Ципао – традиционный китайский женский наряд, изначально носимый в среде маньчжурской знати. Благодаря проникновению китайской моды на Запад в англоговорящей среде ципао стал известен как чонсам.
 - (5) Тайпины – участники политико-религиозного движения в Китае, приведшего к народному восстанию против господства цинской династии.
 - (6) *Фицджеральд Ч.П.* Китай: Краткая история культуры / Пер. Р.В. Котенко. – СПб., 1998. // <http://www.enoth.narod.ru/History/Fitzgerald.htm>
 - (7) *Швейгер-Лерхенфельд А. Ф.* Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара / *Усов В.Н.* Жены и наложницы Поднебесной. – М., 2006. – С. 324.
 - (8) *Исаева Л.И.* Красавицы древнего Китая. – М., 2009. – С. 241.
 - (9) Там же. – С. 250–251.
 - (10) *Фицджеральд Ч.П.* Китай / *Усов В.Н.* Жены и наложницы Поднебесной. – М., 2006. – С. 250–251.
 - (11) Кули – рабочие, занимавшиеся тяжелым физическим трудом.
 - (12) *Ко D.* Teachers of the Inner Chambers. Women and Culture in Seventeenth-Century China. – Stanford, 1994. – P. 263.
 - (13) *Лю Далинь.* Чжунго гудай син вэньхуа (Культура взаимоотношения полов в Древнем и Средневековом Китае). – Нинся, 2002. – С. 892.
 - (14) Там же. – С. 892.
 - (15) Там же. – С. 896.
 - (16) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи.* Чжунго фунной тунши, миньго цзюань (История женщин Китая, период Республики). – Ханчжоу, 2010. – С. 532.
 - (17) *Николаева В.Б.* Маньчжурский костюм эпохи династии Цин. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Улан-Удэ, 2006.
 - (18) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи.* Цит. соч. – С. 532.
 - (19) *Гулик Р.В.* Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер. с англ. Кабанова А.М. – СПб., 2000. – С. 368.
 - (20) Гунсе («изогнутые башмаки») – традиционная форма китайской обуви, которую носили женщины с бинтованными ногами. Данная обувь шилась из ткани, часто шелковой, и богато украшалась вышивкой.
 - (21) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи.* Цит. соч. – С. 532.
 - (22) Natural food society.
 - (23) *Wexler L.* Allowing Girls to Hold up Half the Sky: Combining Norm Shifting and Economic Incentives to Combat Daughter Discrimination in China // Florida State University Research Paper Series FSU College of Law, Public Law Research Paper No. 209, January 2007. – P. 8.
 - (24) *Янь Цзюньлин.* Ло е гуэй гэнъ (Опавшие листья возвращаются к корням). – Пекин, 2001. – С. 10.
 - (25) *Дай Юньюнь.* Шанхай сяоцзе (Шанхайская девушка). – Шанхай, 1999. – С. 82.
 - (26) *Vailey P. J.* Gender and education in China. – Abingdon, 2007. – P. 121.
 - (27) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи.* Цит. соч. – С. 7–8.
 - (28) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи.* Цит. соч. – С. 533.
 - (29) Движение 4 мая – массовое движение в Китае в мае–июне 1919 г., начавшееся с активного выступления молодежи по всей стране. Развернулось в ответ на реше-

- ние Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун.
- (30) Бусе («тканевая обувь») – традиционная форма китайской обуви. Данная обувь шилась из ткани, часто шелковой, и могла украшаться вышивкой. Бусе появились в начале XX в. и пришли на смену гунсе.
- (31) *Дай Юньюнь*. Цит. соч. – С. 24.
- (32) *Дай Юньюнь*. Цит. соч. – С. 7.
- (33) Современная женщина – определенный образ китайской женщины в 1930-е гг. в шанхайском обществе, с присущими ему стилем жизни, внешним обликом, поведением. В зависимости от социального положения женщины данный образ мог включать различный набор характеристик, однако главными среди них являлись образованность, экономическая самостоятельность, вовлеченность в общественную жизнь, уверенность в себе. В этом же значении в китайской историографии встречаются сочетания модэн фуньюй, сяньдай ньюйсин.
- (34) *Чжан Айлин*. Гэн и цзи...
- (35) *Ван Аньи*. Чан хэнь гэ (Песня вечной скорби). – Пекин, 1995. – С. 21.
- (36) *Дай Юньюнь*. Цит. соч. – С. 40.
- (37) Carole Lombard (1908–1942). Американская актриса, номинантка на премию «Оскар» (1937). Ее самые известные киноработы – «Мой слуга Годфри», «Двадцатый век», «Быть или не быть», «Ничего святого», «Мистер и миссис Смит».
- (38) Jean Harlow (1911–1937). Американская актриса, кинозвезда и секс-символ 1930-х гг. Ее самые знаменитые киноработы – «Ангелы ада», «Красная пыль», «Взрывоопасная красotka», «Держи своего мужчину», «Жена против секретарши».
- (39) Barbara Stanwyck (1907–1990) – популярная в 1930–1940-х гг. американская актриса. Снялась в фильме «Двойная страховка», сериале «Поющие в терновнике».
- (40) Claudette Colbert (1903–1996) – американская актриса, обладательница премий «Оскар» и «Золотой глобус», признанная одной из ведущих комедийных актрис 1930-х гг.
- (41) Joan Crawford (1905–1977) – американская актриса немого и звукового кино, в 1930-е гг. по популярности соперничавшая с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо.
- (42) *Дай Юньюнь*. Цит. соч. – С. 23.
- (43) См. Например: *Karns M., Patterson P.* High lights, low lights, tael lights. – Shanghai, 1936 // <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/high/t-high.htm>; *Gunther J.* Inside Asia. – Shanghai, 1939 // <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/short/asia.htm>
- (44) *Karns M., Patterson P.* Op. cit.
- (45) Шицзы цзетоу (Перекрестки). Реж. Шэнь Силин. – Шанхай, 1937.
- (46) Линлун («изящный, утонченный, элегантный») – полноформатный иллюстрированный женский журнал, издававшийся в Шанхае в период 1930–1937 гг., ставший популярным далеко за пределами Китая. Название журнала практически непереводимо на русский язык, в западной историографии оно просто записывается как «Linloon», хотя порой указывается переводное соответствие «Элегантность» или «Утонченная элегантность».
- (47) Чан ципао юй гаогэньсе (Длинное ципао и туфли на высоком каблуке) // Линлун. – 1937. – № 21. – С. 1623–1626.
- (48) Там же. – С. 1623.

- (49) Там же. – С. 1624.
- (50) Лу Синь. Е сун (Гимн ночи) // <http://www.5156edu.com/page/07-07-19/26343.html>
- (51) Подробнее о танцевальной культуре Шанхая см.: *Селиверстова Ю.А.* Зарождение и развитие танцевальных клубов Шанхая 1920–1940-е гг. // В кн.: Олимпийские игры: история и современность. Сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и запад: приоритеты эпох». – Москва, РУДН, 13 апреля 2012 г. – С. 446–458.
- (52) Дансинг – определенный тип развлекательных заведений Шанхая, совмещавший в себе ресторан и танцевальный зал. Шанхайские дансинги отчасти были схожи с кабаре, однако важным их отличием было то, что популярностью в них пользовались западные парные танцы, а не представления на сцене. Слово «дансинг» встречается в мемуарах и автобиографических произведениях русских мигрантов, проживавших в 1930-е гг. в Шанхае.
- (53) *Дай Юньюнь*. Цит. соч. – С. 91.
- (54) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи*. Цит. соч. – С. 537.
- (55) *Чжан Айлин*. Тань тяоу (О танцах) // Тяньди. – 1944. – № 14. – С. 1.
- (56) Гудао («одинокий остров») – период в истории Шанхая с ноября 1937 по декабрь 1941, когда иностранные поселения оказались в кольце японской оккупации.

**FROM FOOTBINDING TO HIGH HEEL SHOES:
TRANSFORMATION OF THE APPEARANCE
OF THE SHANGHAISE WOMEN
IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY**

Y. Kupriyanova

Department of Oriental Philology of the East
School of Asian Studies
National Research University – Higher School of Economics
Pokrovsky bul., 8, Moscow, Russia, 109028

The article considers changes in the appearance of women in Shanghai during 1911–1949 years, closely related to the new social concepts and promotion of urban culture. The study examines the process of rejection from the traditional custom of young girl's footbinding, started from the late XIX century. The author logically reveals the main stages of transformation of women clothing elements from the miniature embroidered shoes to the first high heel shoes appeared in 1920-s. Together with the consideration of attributes of "new women's" fashion author shows the major social processes that had an impact on urban female style.

Key words: Shanghai, Republic of China, bandaging feet, Chinese society, cultural interaction, urban culture, city fashion.